

NEO
LIT UA

Нова
українська
література



АЛЕНА ВАСИЛЬЧЕНКО

БЕРГАМОТОВЫЙ ЧАЙ



И ПОГЛЯДИЛ КОТА РУКАВОМ НЕВЗНАЧАЙ,
НАЛИВАЯ СЕБЕ БЕРГАМОТОВЫЙ ЧАЙ.

УДК 82-1
В 19

Васильченко Алена

В 19 Бергамотовый чай. Стихи. Сумы: ЧФ «Издательство
“Университетская книга”», 2020. 131 с.

ISBN 978-966-680-943-1

УДК 82-1

ISBN 978-966-680-943-1

© Васильченко Алена, 2020

© ЧФ «Издательство “Университетская
книга”», 2020

Я відкрив для себе прекрасного поета-пісняра. Її вірші дуже мелодійні, і коли ти читаєш їх, одразу відчуваєш музику. Вона народжується моментально, відштовхуючись від співочої поезії. Це моя думка як композитора. Вірші ведуть за собою мелодію. Я завжди вважав, що це – дар Божий. Це дійсно пісенна поезія і пісенна лірика. Громадянська лірика теж прекрасна. Я відкрив для себе поета-пісняра Васильченко, а разом зі мною – її відкрили інші композитори: Олександр Самсон, Анатолій Манді. За нашу спільну пісню ми отримали диплом «Шлягер року» – це наше спільне досягнення. Вміння у двох-трьох куплетах написати історію, роман – це особливе уміння. Кілька куплетів – а повість уже написана. Її поезія – співоча. Це дуже важливо. Це величезна вдача поета.

*Співак і композитор, професор,
Народний артист України **Павло Зібров***

Существует определение, согласно которому, поэзия – это привнесение в обыденную речь особенной меры, или, правильнее сказать, особого измерения. На мой взгляд, стихотворчество Алёны Васильченко в полной мере соответствует этому определению. Ведь её стихи состоят из обычных слов, которые мы произносим каждый день. Которые даже не замечаем, когда говорим. При этом все эти обычные слова в её стихотворениях выглядят как будто по-другому, приобретают особый вес, звучат иначе. Создают самое особое измерение. Читаешь – и всё видишь своими глазами. Становишься сопричастным. Как известно, уметь слагать стихи и быть поэтом не всегда одно и то же. Равно как и умеющий рисовать далеко не всегда художник. Поэзия – это отзвук времени, эпохи, а поэт – это голос человечества. Алёна – голос своей страны и своего времени. Она пропускает всё происходящее через своё сердце и рассказывает об этом в своих стихах без прикрас, по-настоящему сопереживая. Именно поэтому получается так хорошо.

*Журналист, член Союза журналистов
Санкт-Петербурга **Роман Евтюков***

Аллилуйя

Аллилуйя тебе. Аллилуйя.
И поющей за окнами птице.
Аллилуйя твоим поцелуям
и всему, что сегодня случится.
Собирается счастье по крохам.
Разделю, будто яблоко, день мой.
Аллилуйя – до каждого вздоха
беспокойных моих сновидений.
Не гадая об истинах всеу,
уходя за тобою упрямо,
может, кто-то для нас «аллилуйя»
пропоеет у высокого храма.
Растревожена ночью и жаждой,
голубиной воркующей стаей,
поцелуй на родинке каждой
я сегодня с тобой разделяю.
Разделяю – любые печали.
Разделяю и правду, и небыль.
И когда-нибудь нас повенчает
это сонное, тихое небо.
Зазеркалье и утренний иней.
И гроза на закате июля.
Аллилуйя, любимое имя.
Каждой букве твоей – аллилуйя.

Развеяло

Разбросало. Раздуло. Развеяло.
Развело далеко-далеко.
И смахнуло поломанным веером,
и спало у разбитых окон.
Разбросало, как пыль, распорошило.
И снегами укрыло во мгле.
И разбилось стеклянное прошлое
на обеденном нашем столе.
Разметало, разбило, оплавило.
Не оставило даже следа.

И немисливо було по правилам:
умирати від любові і сорому.
Недосказано було, не зрозуміло,
не виміряно що-то добром.
Нас бросало з тобою по кімнаті,
і боліло під кожним ребром.
В одягу закутавшись сіре,
непривітливий вечір мовчить.
Нас з тобою крізь сито просіяти,
щоб муку від зерна відокремити.
По дорогах, засіяним клевером,
по вечірньому плачу аллей
нас з тобою роздуло, розвіяло,
як пил міських тополей...

Очі його як квіти

Мамо, очі його як квіти,
ніби напився води святої.
Я б не хотіла його любити,
щоб не знати печалі тої.
Мамо, голос його як вітер,
ніби поринув у саму душу.
Я б не хотіла його любити,
та, певно, мушу, любити мушу.
Чуєш, сонце сідає за хмари,
жевріє в небі червоним оком.
Мамо, то, певно, якісь чари,
що від кохання – один неспокій.
Ружа, ружа з червоним цвітом;
літєть у чару мою отрута.
Я б не хотіла його любити -
тільки не можу його забути.

Хочется быть

Хочется быть утонченной натурой,
чтобы всё брэнное кануло мимо.
Вечером в платье лилово-пурпурном
слушать какую-то оперу в Риме.
Чтобы смотрели вокруг с восхищеньем
и умоляли о крохотном шансе.
И наслаждаться песочным печеньем
и виноградом в уютном Провансе.
Хочется быть королевою бала
в хрупкой, изящной, блестящей короне.
Чтобы Да Винчи меня рисовали
на золотом ослепительном троне.
И расправляться со сплетнями гордо,
будто с какой-то обыденной данью.
И восхищаться журналами моды,
и каблуки надевать на свиданье.
Хочется быть легкомысленно светлой.
Тонкие пальцы – в лохматую гриву.
И отдаваться горячему лету
и полюбить детективное чтиво.
Хочется в поезд на гладкие рельсы.
Там, где у моря – моя остановка.
На загорелое тело повесить
странную, черную татуировку.
И, заплетая лохматые дреды,
в порванных, старых, растянутых джинсах,
хочется чтобы дешевые кеды
где-то бродили у каменных сфинксов.
Или напротив – под огненный бренди
вечером тихим в компании Данте
быть непокорной железною леди,
каждое слово которой – цитата.
Я ухожу по дороге закатной.
Я у желаний моих – середина.
Я изменяю себе многократно
и собираюсь потом воедино.
Непостоянна, увы, суетлива,
и не божественна в трепетном вальсе.

Я запускаю в лохматую гриву
тонкие и загорелые пальцы.
Словно ребенок трехлетний потешна,
я – королева себе и служанка.
Я – это ферзь и безлика пешка,
я – проститутка, и я – парижанка.
Я состою из бетона и трещин.
Я – это смесь Достоевского с Ницше.
Я – это сотня невысказанных женщин,
что под одной уживаются крышей.

Сонце моє

Я люблю тебе, чуєш, люблю.
Я тобі даруватиму рими.
Я у долі тебе відмолю
молитвами, як небо, старими.
Закружляє навколо весна
і проллється дощами додолю.
Божевілля моє не мина –
і нехай не минає ніколи.
Все між нами насправді, як є.
Як же, Господи, хочеться квітів.
Я люблю тебе, сонце моє.
Я не можу тебе не любити.

Сколько в тебе души

Бог испытает прочность твою, поверь.
Сделает это даже не раз, не два.
И пробудится в темной берлоге зверь,
когого можешь ты удержать едва.

Бог испытает горьким твои уста,
чтобы чему-то было тебя учить.
Зверь изломает каждый в тебе сустав,
после – от боли будет тебя лечить.

Бог испытает – это его закон.
Всякий узнает, что у него почём.
Важное что-то ляжет тогда на кон.
Кем-то любимым будет твой зверь прощён.

Будет когда-то душу твою крушить:
новыми станут люди, дома, пути.
Снегом укроет тропы твоих вершин,
чтобы труднее было по ним идти.

Он испытает море в тебе до дна,
чтобы однажды споры твои решить,
чтобы окликнуть: есть у всего цена,
чтобы проверить, сколько в тебе души.

Осень

Осень в осиновом покрывале
пляшет по улицам и резвится.
Пьяницам, спящим в сыром подвале,
снится, наверно, Париж и Ницца.

Голод не жалуется псов без крова.
Что там – ему и людей не жалко.
И переулков лицо сурово,
где малолетних целуют жарко.

Путь у прохожих вокруг неведом,
тащат куда-то большие сумки.
Смотрит какой-то бродяга с пледом
в дождь и живущие в нем рисунки.

Кто-то торгует цветами с грядки,
взгляд у кого-то тоскливо горький.
И отправляются вплавь тетрадки,
чтобы отец не узнал о двойке.

Дети рожают детей помлаже.
Кто-то нехитрый готовит ужин.

Темного неба исход не важен –
землю укрыло глубокой лужей.

День начинается так не ново:
парк неумелой рукой обстрижен,
и отправляется лист кленовый
в лапы играющей кошки рыжей.

Ноги промокли – простуда, здравствуй!
Вечно приходишь, когда не просят.
Я отдала бы, наверно, царство,
чтобы закончилась эта осень.

Дождь оглушает, гонимый свыше.
Время копать в себе до крика.
Кто-то, возможно, сидит на крыше
и наслаждается тьмой безликой.

Город скрывает свою личину.
Шум мне порою его несносен.
Дайте хотя бы одну причину,
чтобы закончилась эта осень!

Крошками дразнит мальчишка птицу.
Ночь сокровенное мне доверит.
И не совсем повезло родиться
белым щенкам у закрытой двери.

Дождь потекает зонтам безвкусным.
Город изучит повадки лисьи.
Как же чертовски сегодня грустно.
Как же чертовски красивы листья.

Маргарита

Осени нежные ритмы.
Городом правит тоска и любовь.
Я не твоя Маргарита.
Я лишь вчера танцевала с тобой.

Шила нелепое платье.
Белое, тонкое платье до пят.
И говорила некстати
то, что влюбленные все говорят.
Пара бокалов разбита.
И недочитан на полке роман.
Я не твоя Маргарита.
Просто была я тобою пьяна.
Ветра холодного песня
будто зовет заклинанием дождь.
Я не пишу, не надейся,
письма, которые ты не прочтешь.
Не нарушаю законы
нашей короткой и сладкой главы.
И от звонков телефонных
я не заплачу, как раньше, увы.
Осень – безропотный зритель,
смотрит, как в платье запуталась я.
Я не твоя Маргарита.
Ну почему я, скажи, не твоя?

Собиратели нежности

В этом мире, пресыщенном новостями из твиттера,
есть какие-то странники из эпохи романтики.
Седовласые, гордые, в дома вязанном свитере,
вне движения времени и шагов информатики.
Это люди, которые в сорок первом зачатые.
Их кружила нелегкая на качелях у времени.
И они не встревожены инстаграмными чатами.
Посадили по дереву, ухаживали по темени.
И у них небогатые, но уютные комнаты.
И хранится на доньшке «Серебристого ландыша».
Это люди, которые оцифровкой не тронуты.
Из эпохи доверия и бумажного вкладыша.
С лакированной мебелью и трехматной кошкой,
наслаждались осенними закружившими листьями.
Осторожные странники недалекого прошлого,
где любили и бредили настоящими письмами...